

RU

Национально-культурная маркированность французских фразеологизмов с компонентом-антропонимом

Сухорукова Ю. С.

Аннотация. Данная работа исследует национально маркированную культурную коннотацию французских фразеологизмов (далее – ФЕ) с компонентом-антропонимом путем лингвокультурного и фразеосемантического анализа тематической группы ФЕ с именами исторических деятелей. Цель исследования – выявить специфику национальной фразеокультурной коннотации ФЕ с антропонимом именем исторической личности. Под фразеологической культурной коннотацией, вслед за В. Н. Телия, понимается как специфика вторичной интерпретации мотивирующей основы ФЕ, так и своеобразие отбора языковых средств, формирующих эту мотивирующую основу. Научная новизна исследования состоит, во-первых, в разработке классификации французских ФЕ с компонентом-антропонимом, опирающейся на историко-культурную обусловленность антропонима. Во-вторых, изучение культурного фона позволило мотивировать механизмы образования переносных фразеологических значений вышеуказанных ФЕ за счет вычленения и анализа культуросодержащего компонента, а следовательно, комплексно интерпретировать их семантику. В результате констатирован имплицитный, преимущественно аллюзийный характер культурно маркированных сем ФЕ с именами исторических деятелей, изучены историко-этимологические основы их возникновения, выделены ведущие ассоциативные семы, образующие культурно маркированную коннотацию антропонимов – имен исторических деятелей во французском фразеоконтексте.

EN

National cultural marking of French phraseological units with an anthroponym component

Y. S. Sukhorukova

Abstract. This work explores the nationally marked cultural connotation of French phraseological units with an anthroponym component through linguocultural and phraseosemantic analysis of a thematic group of phraseological units with names of historical figures. The aim of the study is to identify the specifics of the national phraseocultural connotation of phraseological units with an anthroponym that is the name of a historical figure. Following V. N. Telia, the phraseological cultural connotation is understood as both the specificity of the secondary interpretation of the motivating basis of a phraseological unit and the originality of the selection of linguistic means forming this motivating basis. The scientific novelty of the study consists, firstly, in the development of a classification of French phraseological units with an anthroponym component, based on the historical and cultural conditioning of the anthroponym. Secondly, the study of the cultural background made it possible to motivate the mechanisms underlying the formation of figurative phraseological meanings in these phraseological units by isolating and analyzing the culture-bearing component, and therefore, to comprehensively interpret their semantics. As a result, the implicit, predominantly allusive nature of the culturally marked semes of phraseological units with the names of historical figures was established, the historical and etymological foundations of their origin were studied. In addition, the leading associative semes forming the culturally marked connotation of anthroponyms (the names of historical figures) in the French phraseocontext were identified.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена значимостью культуросодержащей составляющей в языке, которая предопределяет многоракурсное рассмотрение языковых фактов как «сгустков» культурно, исторически, социально, национально маркированных смыслов. Языковые единицы имеют двуплановую природу,

являясь, с одной стороны, материализованными «телами» культурных знаков (выражение В. Н. Телия), а с другой – направляя и формируя интерпретацию окружающей действительности и национально-культурного пространства носителей языка. Язык пронизан национально-культурными установками, которые и выражают, и одновременно задают ракурс мировосприятия и миропонимания.

В наиболее концентрированном виде национально и культурно маркированное мировидение находит воплощение во фразеологическом пласте языка. Фразеологизмы выступают как культурные эталоны, чей национально-специфический характер заключается как в языковой форме выражения (т. е. отборе самих фразеологических единиц), так и в семантической избирательности (выборе «кусочков смысла», которые находят отражение в национальной фразеологической картине мира). Антропоним как фразеологический компонент представляет особый интерес, поскольку во фразеологическом контексте не только меняет собственную индивидуализирующую природу на обобщающе-абстрагирующую, но и возводит имя реального или вымышленного лица в ранг символа национально-культурного уровня.

В ходе исследования решались следующие задачи: рассмотреть сущность взаимоотношений языка и культуры и определить понятие культурной коннотации в приложении к фразеологическому фонду языка; выявить семантическую специфику антропонимов вне и внутри фразеологического контекста, обосновав их «культурно-семиотическое назначение» (термин М. Л. Ковшовой, П. С. Дронова (2022, с. 272)); отобрать и систематизировать корпус французских фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом-антропонимом; выделить имплицитные культурноносительные семы в семантике ФЕ с антропонимом именем исторической личности.

Материалом для исследования послужили 175 ФЕ, извлеченных методом сплошной выборки из следующих лексикографических источников:

- Новый большой французско-русский фразеологический словарь / под ред. В. Г. Гака. М.: Русский язык Медиа, 2005.
- Campa C. *Le grand livre des expressions*. Levallois-Perret: Groupe Studyrma-Vocatis, 2010.
- Duneton C. *La puce à l'oreille. Anthologie des expressions populaires avec leur origine*. P.: Librairie Générale Française, 1990.

К исследованию также привлекались данные из лексикографических интернет-ресурсов: сайтов Savoir.Eusement (<https://savour.eu/>), Expressio.fr (<https://www.expressio.fr/>).

Теоретической базой исследования послужили работы в области лингвокультурологии (Воробьев, 1997; Тер-Минасова, 2004; Токарев, 2023), которые обосновывают неразрывную связь языка, культуры и национально-специфического мировидения, а также базовые положения когнитивной семантики и фразеологии (Гумбольдт, 1985; Телия, 1996; Ковшова, Дронов, 2022), в которых рассматривается сущность культурной коннотации и способы ее отражения в фразеологической семантике.

Для достижения поставленных задач применяются следующие методы: метод тематической классификации и структурирования языкового материала и количественный метод, использованные для построения классификации французских ФЕ с компонентом-антропонимом; теоретический анализ для систематизации основополагающих положений когнитивной семантики, фразеологии и лингвокультурологии, послуживших научно-теоретической базой исследования; метод этимологического, фразеосемантического анализа и лингвокультурной интерпретации для выявления и описания национально-специфической культурной коннотации ФЕ с антропонимом именем исторической личности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его теоретические положения и результаты лингвокультурного и фразеосемантического анализа могут быть использованы в преподавании курсов фразеологии, лингвокультурологии и когнитивной семантики.

Обсуждение и результаты

Взаимообусловленность и взаимовлияние языка и культуры – это аксиома, принимаемая представителями разных научных школ и подходов на современном этапе развития лингвистики. Перефразируя известное высказывание Л. С. Выготского (1982, с. 361) об отражении сознания в слове, можно сказать, что равным образом культура отражается в слове, как солнце в малой капле воды, что делает слово атомом «культурного космоса». Прорастая в культуре, «вербальные средства, слова, фразеологизмы и др., становятся знаками культуры» (Токарев, 2023, с. 193).

Однако язык не только кладёшь культуры и аккумулятор культурно маркированных знаний. Он не только хранит и передает культурно обусловленные установки, представления, стереотипы, но, подобно очкам 3D, закладывает соответствующие основы мировидения в тех, кто сформировался в контексте соответствующей языковой культуры (Красных, 2012, с. 70). Представляется, что отношения «язык – культура» подобны отношениям сообщающихся сосудов: культура «вливает» в язык свою исторически, социально и национально определенную память, а язык в свою очередь формирует национально-культурное пространство и систему интерпретации своекультурных и инокультурных ценностей. Как отмечал К. Д. Ушинский, «язык народа... являясь полнейшим отражением... духовной жизни народа, является в то же время... лучшим истолкователем окружающей его природы и жизни» (1948, с. 563).

Язык, как и культура, воплощает одновременно и универсальное, и национально-специфическое. С одной стороны, мысль о том, что языковая картина мира, создаваемая разными языками, имеет исключительно

национальный колорит, опровергается самим фактом общности объективной действительности, в которой живет человечество. С другой стороны, метафора о «зеркальности» языка, т. е. об отражении в нем реальности-как-она-есть, также не раз обоснованно критиковалась (Тер-Минасова, 2004, с. 46-47). С. Г. Тер-Минасова уточняет метафору языка-зеркала, называя это зеркало кривым: «Его перекос обусловлен культурой говорящего коллектива, его менталитетом... мировоззрением» (2004, с. 47). Это созвучно идее В. фон Гумбольдта о том, что «разные языки – это не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» (1985, с. 349).

Одним из способов проникновения в национально-специфический менталитет народа является обращение к наиболее культуроносному языковому пласту, пронизанному культурными коннотациями (термин В. Н. Телия), – к фразеологическому фонду. Мы считаем, что ФЕ могут рассматриваться как лингвокультуремы, под которыми В. В. Воробьев (1997, с. 45) понимает языковые знаки в совокупности их формы, содержания и культурного смысла.

Национально-культурная осложненность ФЕ объясняется рядом причин. Во-первых, ФЕ имеют двойственную природу, которая состоит в соединении образа первичной ситуации, выступающей как мотивирующая основа, и вторичной ситуации, выраженной компонентами ФЕ в переосмысленном значении. Культурно маркированным является как переосмысление, так и сам выбор мотивирующей основы, что составляет сущность культурно-национальной коннотации в понимании В. Н. Телия (1996, с. 215), которая считает образное основание ФЕ средством воплощения культурно-национальной специфики, а интерпретацию образного основания в национально-культурном пространстве определенного языкового сообщества – способом указания на эту специфику.

Во-вторых, ФЕ обладают «культурной памятью» – отголосками, ассоциациями с исторически сложившимися и передаваемыми от поколения к поколению стереотипными установками, эталонами, оценками, которые закреплены во фразеологической семантике. Это особенно очевидно при анализе тех ФЕ, для интерпретации значения которых ведущую роль играет денотативный аспект. К этой разновидности фразеологизмов относятся ФЕ с компонентом-антропонимом.

Семантика антропонимов парадоксальна по своей природе. С одной стороны, антропонимы в системе языка являются пустыми знаками, так как не имеют обобщающего значения в отличие от имен нарицательных и требуют контекста, чтобы обрести семантику. С другой стороны, значение антропонима максимально индивидуализировано. А. В. Суперанская (2005, с. 4) называет антропоним закрытым знаком, так как его значение наполнено конкретными характеристиками определенного лица, названного данным именем. Поэтому, даже услышав определенное имя как факт языка, вне контекста, каждый мысленно наполняет его конкретным содержанием в зависимости от индивидуального знакомства с индивидом, носящим такое имя.

Во фразеологическом контексте антропонимы утрачивают способность идентифицировать отдельную личность. Их семантическая нагрузка меняется под влиянием фразеологического окружающего (Дербенев, Ягодкина, 2024, с. 129). Они «принимают на себя особое, культурно-семиотическое назначение – ...собирать и обобщать тот или иной социальный тип людей, именовать класс ситуаций, явлений, событий» (Ковшова, Дронов, 2022, с. 272). Следовательно, расшифровка культурного кода, носителями которого являются антропонимы во фразеологическом контексте, предполагает изучение культурного фона, на котором возникли соответствующие ФЕ, и вычленение культурно маркированных смыслов, заключенных в них.

Анализ корпуса фразеологических единиц французского языка с компонентом-антропонимом позволили вычленивать девять тематических групп в зависимости от происхождения имени собственного, фигурирующего в ФЕ. Проиллюстрируем их в Таблице 1.

Таблица 1. Тематические группы французских фразеологических единиц с компонентом-антропонимом

Тематическая группа	Кол-во ФЕ	Примеры
ФЕ с антропонимом-библейзмом	50	<i>être pauvre comme Job</i> 'быть нищим, как Иов'; <i>baiser de Judas</i> 'поцелуй Иуды = предательство' и т. д.
ФЕ с антропонимом именем исторической личности	32	<i>le quart d'heure de Rabelais</i> 'четверть часа Рабле = момент уплаты долгов'; <i>coup de Jarnac</i> 'удар Жарнака = внезапный вероломный поступок' и т. д.
ФЕ с антропонимом именем персонажа литературы или театра	30	<i>idylle d'Aucassin et de Nicolette</i> 'идиллия Окассена и Николетты = страстная любовь'; <i>faire les moutons de Panurge</i> 'быть баранами Панурга = слепо следовать за кем-то' и т. д.
ФЕ с антропонимом именем героя греческой мифологии	28	<i>faire un travail d'Hercule</i> 'делать работу Геркулеса = выполнять тяжелую работу'; <i>être dans les bras de Morphée</i> 'быть в объятиях Морфея = крепко спать' и т. д.
ФЕ с антропонимом именем героя римской мифологии	14	<i>descendre chez Pluton</i> 'спуститься к Плутону = умереть'; <i>arbre de Jupiter</i> 'дерево Юпитера = дуб' и т. д.
ФЕ с антропонимом героя народных поверий	10	<i>être une Sainte Nitouche</i> 'быть святой Нитуш = строить из себя невинность'; <i>pousser des cris de Mélusine</i> 'кричать как Мелюзина = кричать благим матом' и т. д.
ФЕ с популярным народным антропонимом	8	<i>faire le Jacques</i> 'прикидываться Жаком = прикидываться дурачком'; <i>se faire appeler Désirée</i> 'называться Дезире = заставлять себя долго ждать'
ФЕ с искусственно созданным антропонимом	2	<i>aller chez Malva</i> 'идти к Мальве = чахнуть'; <i>monsieur Toutlemonde</i> 'господин Все = любой'
ФЕ с антропонимом героя мультфильмов	1	<i>oncle Picsou</i> 'дядюшка Пиксу = скряга'

Как видно из Таблицы 1, наиболее наполненными являются группы ФЕ с антропонимами-библейскими именами мифологических героев, а также с именами исторических личностей или литературных героев. Высокая фразеологическая активность библейских имен объяснима значимостью религиозной христианской традиции для европейской культуры, которая включает и французскую, в целом. Так как религиозные принципы традиционно считались высшим эталоном морали, а знание библейских сюжетов – нормой, их отражение во французском фразеологическом фонде, как и их интернациональный характер закономерны.

Имена мифологических персонажей (богов, мифологических героев) также относятся к древней историко-культурной традиции Греции и Рима времен классической античности, которая положила начало мировой культуре, в особенности культуре Запада.

Именно по причине универсальности фразеологизмов с упомянутыми антропонимами они представляют меньший интерес для исследования национально-специфического, чем остальные группы. Поэтому мы обратимся к изучению национальной коннотации тех ФЕ, которые содержат уникально французский антропоним. Так как в количественном отношении лидирует группа ФЕ с компонентом именем исторической личности, то ее мы и рассмотрим подробно.

32 ФЕ этой группы можно далее классифицировать на подгруппы: имена королей и знати (11 ФЕ), имена представителей либеральных профессий (5 ФЕ), имена полководцев (4 ФЕ), имена священнослужителей (4 ФЕ), имена философов (4 ФЕ), имена безотносительно рубрики (4 ФЕ). В отличие от ранее упомянутых ФЕ с антропонимом-библеизмом, для интерпретации культурных кодов, заключенных в ФЕ с именем исторической личности, потребуется обращение к историко-социальному контексту их рождения.

Обратимся к группе ФЕ с именем королей и знати. В ней фигурируют имена французских монархов Людовика XV, короля Дагобера и королевы Марии-Антуанетты, царя Лидии Креза, испанской королевы Изабеллы I, герцогов де Ланьи и Омальского, барона Жарнака, а также канцлера Германии Отто Бисмарка и русского вождя Иосифа Сталина. Например, ФЕ *avoir des jambes de Louis XV* (букв.: иметь ноги, как у Людовика XV) 'иметь кривые ноги' связан с личностью французского монарха Людовика XV (1715-1774 гг.), но не имеет прямой связи с чертами его внешности. По свидетельству современников, Людовик был статным высоким красавцем и, хотя любил верховую езду, ноги имел правильной формы. Намек на кривоноготь короля появился у данного ФЕ вследствие контаминации с ФЕ *avoir les cannes en Louis XV* с тем же буквальным значением, но относящимся к ножкам мебели. Как известно, стиль эпохи Людовика XV действительно отличается мебелью на S-образных гнутых ножках, что и породило метафорический ассоциативный перенос по аналогии формы.

Королева Мария-Антуанетта дважды появляется во французской фразеологии, но оба раза косвенно. Ее имя фигурирует не напрямую, а в виде метонимической перифразы в ФЕ *Madame Vêto* (букв.: Мадам Вето) '(ирон.) мадам Запрет', а также косвенно причастно ФЕ *avoir un Jules* (букв.: иметь Жюля) 'иметь любовника'. В первом случае ФЕ дает аллюзию на события Великой Французской революции, во время которых Францией правили Людовик XVI и Мария-Антуанетта, чья власть была ограничена Национальным собранием. Однако оба монарха имели право налагать вето на решения Национального собрания, чем королева неоднократно пользовалась. Отсюда ироническое прозвище, образованное по механизму метонимии «действие» → «человек, совершающий действие». В случае ФЕ *avoir un Jules* имя *Jules* реально и называет графа Жюля де Полиньяка, супруга графини Габриель де Полиньяк. Графиня была в близких дружеских отношениях с Марией-Антуанеттой, что вызывало раздражение и ревность придворных, которые из мести распустили слух, что королева и графиня любовницы. Но опасаясь называть имена двух дам вслух, графиню де Полиньяк эвфемистически прозвали по имени ее мужа. Неопределенный артикль при имени *Jules* свидетельствует о смене семантического класса и появлении у него значения «представитель класса подобных». Принимая во внимание исторические факты, очевидно, что класс подобных – это любовники.

Продолжая тему эвфемизации, приведем ФЕ *aller entretenir le duc d'Aumale* (букв.: пойти поухаживать за герцогом Омальским) 'пойти в туалет'. Герцог Омальский – это титул Генриха Орлеанского, сына последнего французского короля Луи-Филиппа I. ФЕ имеет конкретный источник – роман М. Пруста «Любовь Свана», где он был впервые употреблен. Имя одного из королевских наследников было помещено в такой неблагоприятный эвфемистический контекст вследствие крайней непопулярности принца, претендовавшего на французский трон.

Обращает на себя внимание ФЕ *coup de Jarnac* (букв.: удар Жарнака) 'неожиданный вероломный удар'. Происхождение фразеологизма связано с знаменитой дуэлью, состоявшейся 10 июля 1547 года во дворе замка Сен-Жермен-ан-Лей между бароном де Жарнаком и дворянином Франсуа де Вивоном. Причиной дуэли стало разглашение де Вивоном тайны о связи Жарнака с его тещей. Дуэль закончилась победой Жарнака, который неожиданным ударом меча под колено свалил своего противника, умершего три дня спустя от полученной раны. Интересно, что негативная коннотация, появившаяся у этого ФЕ, не связана с оценкой реальных событий: удар Жарнака не был запрещен правилами дуэли на шпагах.

Вторая подгруппа ФЕ с именами представителей либеральных профессий включает имена писателей (*Esopé, Rabelais*), художника (*Ingres*), юриста (*Cujas*) и театрального деятеля (*Nicolet*). Наиболее известны среди них Франсуа Рабле и Жан-Огюст Энгр, и ФЕ, где антропонимы выступают ведущими компонентами, погружают в реальный исторический контекст.

ФЕ *le quart d'heure de Rabelais* (букв.: четверть часа Рабле) 'момент расплаты' требует обратиться к историческому анекдоту из жизни писателя. Призванный ко двору Франциска I после полугодового пребывания в Риме, Рабле вынужден был остановиться в гостинице в Лионе, не доехав до Парижа по причине финансовых затруднений. Понимая, что ему нечем платить ни за гостиницу, ни за путешествие в Париж, Рабле придумал

хитроумный ход. Представившись известным врачом, он во всеуслышание объявил, что привез из Италии сильноедействующий яд, чтобы отравить французского монарха. Он был немедленно взят под стражу и под конвоем отправлен в Париж, причем обращались с ним очень учтиво, думая, что везут преступника особой важности. Таким образом писатель добрался в Париж, не заплатив ни гроша, и предстал перед королем. Тот узнал его сразу и освободил, простив писателю его выходку. Фразеологический компонент *un quart d'heure* в данном случае указывает на быстроту принятия решения в ситуации, когда наступает момент платить по счетам.

Имена полководцев, вошедшие в французскую фразеологию, странным образом делают аллюзию не на самых знаменитых воинов, подвиги которых на слуху. Более того, два имени (генерала Ноги и полководца Ганнибалы) – это имена иностранных воинов, японского и карфагенского. Имя Наполеона не фигурирует в этой категории, возможно, из-за в высшей степени уважительного отношения к нему и опасения упоминать его имя всуе. Вместе с тем имя одного из наполеоновских генералов в составе ФЕ, генерала Камбронна, возвращает к событиям битвы при Ватерлоо 18 июня 1815 г., последней битве, исход которой мог дать Наполеону Бонапарту надежду на возвращение на французский трон. Генерал Пьер Камбронн командовал императорской гвардией, и его реакция на предложение сдаться со стороны англичан вошла в историю. Обычно по-русски цитируют приписываемую генералу фразу: «Гвардия умирает, но не сдается». Французский язык сохранил иную, краткую версию, которая гораздо менее пристойная, а потому была эвфемистически обозначена перифразой *mot de Cambronne* (букв.: слово Камбронна) ‘грубое ругательство’. Исторический флёр этого ФЕ создает иллюзию положительной коннотации, что-то вроде резкого, но мужественного высказывания, но фразеологическое значение акцентирует прямую денотативную сему, которую призвано завуалировать.

ФЕ *vérité de La Palice* (букв.: правда Ла Палиса) ‘азбучная истина’ черпает культурную коннотацию в событиях итальянских войн Франциска I, чьим маршалом был Жак II де Шабанн де Ла Палис. 24 февраля 1525 г. происходит битва при Павии, в которой мужественно сражался Ла Палис, однако был убит. В XVIII в. его имя возникло в популярной народной песне, состоявшей из 51 куплета, каждый из которых утверждал какую-нибудь настолько самоочевидную мысль, что она оказывалась нелепой. Например, в ней были строчки: “*Il mourut le vendredi / le dernier jour de son âge / s’il fût mort le samedi / il eut vécu davantage*” («Он умер в пятницу, в последний день своей жизни. Если бы он умер в субботу, он бы пожил подольше»). Таким образом, народное творчество «повинно» в том, что славный маршал ассоциируется в французской лингвокультурной памяти не с победами, а с избитой истиной.

Священнослужители, чьи имена сохранила и превратила в культурные символы французская фразеология, – это аббат Адриен Ламуретт, епископ Медард, аббат Мартен и протестант Кола. Рассмотрим подробнее две последние ФЕ.

ФЕ *pour un point, Martin perdit son âne* (букв.: из-за точки Мартен потерял своего осла) имеет назидательно-поучительный характер согласно первичному мотивирующему образу. История аббата Мартена, чье имя стало символом недотёпы, по глупости лишившегося чего-то важного, имеет две интерпретации. По сведениям Эжена Бутми, автора Словаря типографского аргю (1883), некто аббат Мартен оспаривал у другого священнослужителя, чье имя история не сохранила, право возглавить аббатство Сонан. Точка, неверно поставленная в юридическом документе и полностью изменившая его смысл, привела к тому, что Мартен проиграл процесс. Вторая версия, предлагаемая Пьером Китаром, автором Исторического этимологического словаря (1842), утверждает, что Мартен, итальянский священник, возглавлявший аббатство Азелло, велел выгравировать на воротах аббатства фразу на латыни: “*Porta, patens esto. Nulli claudaris honesto*” (букв.: Дверь, оставайся открытой. Ни для одного честного человека не будь закрытой). Но гравёр ошибся и поставил точку после *nulli*, что изменило смысл фразы, превратившийся в: «Дверь, не будь открытой ни для одного честного человека. Будь закрытой». Папа римский узнал об этом и лишил Мартена аббатства за недостойную надпись. Таким образом, имя Мартен представляет собой антономазию, означающую глупца и растяпу. Еще более интересный вопрос: причем тут осёл? Дело в том, что звучание обоих вариантов названия утраченного аббатства паронимично звучанию лексемы «осёл», что рождает каламбур: фр. *Sonane* фонетически равно фр. *son âne* ‘его осёл’; итал. *Asello* близкозвучно латинскому *asellus* ‘ослик’.

ФЕ *il est de la vache à Colas* (букв.: он от коровы Колы) имплицитно связана с сложными взаимоотношениями между представителями разных ветвей христианской церкви, католиками и протестантами. Как и в случае с Мартеном, Кола (сокращение от *Nicolas*) используется в нарицательном значении и могло бы быть заменено на Пьера, Жана или Поля. Важнее историко-культурный контекст, породивший фразеологическое значение. Этимологические словари рассматривают две основные версии. По одной, ситуация, отраженная в ФЕ, произошла в 1605 г. в г. Шеси в храме Бионн. Во время протестантской мессы в храм забрела корова крестьянина Колы, прервав богослужение. Протестанты забили ее и съели, несмотря на Великий пост (период строгого воздержания от мяса). По второй версии, крестьянин Кола сам инициировал демонстративное съедение мяса своей коровы во время Великого поста, чтобы бросить вызов католикам и их религиозным устоям. В обоих случаях по умолчанию подразумевается, что подобное действие было бы немыслимо для правоверного католика, соответственно характеристика «он от коровы Колы» намекает на протестантское (= недостойное) вероисповедание.

Группа ФЕ с антропонимом именем философа упоминает трех французских мыслителей: Буридана, Монтеня и Паскаля – и одного греческого (Платона). Имена французских философов фигурируют в номинативных фразеологизмах-аллюзиях, отсылающих к ключевым постулатам их философской мысли. Например, ФЕ *l’abîme de Pascal* (букв.: и перенос. бездна Паскаля) фокусирует внимание на идее о бесконечности Вселенной и ничтожности человека перед ней. В своем трактате «Мысли» (*Pensées*) философ пишет о «пугающем молчании этих

бесконечных пространств», которое повергает человека в ужас. Подобен по форме ФЕ *oreiller de Montaigne* (букв.: подушка Монтеня) ≈ 'сомнение полезно'. Фразеологизм аллюзийно подчеркивает высказанную философом мысль о том, что "*Quel mol oreiller que le doute pour une tête bien faite!*" (букв.: «Нет подушки мягче, чем сомнение для думающей головы»). Таким образом, утверждается идея пользы размышления, рефлексии и анализа, что было одним из принципов концепции Мишеля Монтеня.

Наконец, некоторые фразеологизмы не подпадают под рубрикацию, но это не умаляет их лингвокультурную ценность. Мы вычленили всего три таких единицы, хотя могли бы отнести в эту группу значительно большее количество. Однако те ФЕ, которые можно было бы добавить, построены по принципу не смыслового выбора имени, а рифмы, украшающей звучание. Это ФЕ типа *À la tienne, Étienne !* (букв.: За твое здоровье, Этьен) 'будь здоров' или *Ça colle, Anatole* (букв.: Всё в порядке, Анатолий) 'всё в порядке', поэтому мы оставили их вне рамок анализа. Оставшиеся три ФЕ представляют Колумба, папашу Франсуа и некоего Артура. Учитывая интерес к национально маркированной коннотации, остановимся на последних двух.

В ФЕ *coup du père François* (букв.: удар папаша Франсуа) 'ограбление путем удушения жертвы' имя «папаша Франсуа» – это прозвище, данное Жозефу Арпену, борцу XIX в., известному также под именем «Арпен ужасный савойяр». Он практиковал не только спортивные бои, но и уличные ограбления с напарником. Удар, который создает мотивирующую основу для ФЕ – это накидывание завязанного петлей шарфа на шею стоящей спиной жертве. Оказываясь лицом к жертве, нападающий затягивает петлю на ее шее, из-за чего жертва хватается за петлю руками и оставляет свободными карманы, которые грабит второй бандит. Первоначально значение ФЕ переосмысливалось как вероломное нападение с удушением, но со временем у нее появилось метафорическое абстрактное значение нечестного и жестокого действия, «удара в спину».

ФЕ *se faire appeler Arthur* (букв.: зваться Артуром) 'получить нагоняй' содержит антропоним, созданный в результате ложной этимологии. Рождение этого ФЕ относится к периоду фашистской оккупации Франции во время Второй мировой войны. Фашистами был введен комендантский час, который начинался в 8 часов вечера, и, если кто-либо из жителей появлялся на улице после 8 вечера, он слышал окрик немецкого патруля: "Acht Uhr!" (нем. «восемь часов»). Окрик был фонетически подобен звучанию французского имени Артур (нем. acht [акт] Uhr [uhr]), что и вызвало к жизни первичное словосочетание «зваться Артуром», метафорически переосмысленное как «получить выговор, нагоняй».

Проведенный анализ свидетельствует о кумулятивном характере семантики ФЕ с антропонимом. Интерпретация заключенных в ФЕ национально-специфических образов невозможна без комплексного изучения этимологического, лингвокультурного и историко-социального контекстов их возникновения. Это в значительной степени связано с культуроносной ёмкостью имени собственного в составе ФЕ, которое «служит как бы ключиком, который открывает в памяти скрытую дверь к воспоминаниям о давно минувших, но глубоко волнующих событиях, тщательно хранившихся в памяти народной» (Седых, 2022, с. 113).

Заключение

В результате исследования мы приходим к следующим выводам:

1. Анализ культурно и национально маркированных коннотаций самой крупной группы ФЕ со специфически «французским» антропонимом подтверждает мысль о преимущественно имплицитном характере культурной составляющей языковых знаков. Расшифровка культурных кодов, скрытых в ФЕ с антропонимами, затруднена их преимущественно аллюзийным характером и требует обращения к историческому социокультурному фону их рождения.

2. Ассоциативные признаки, формирующие культурно маркированную фразеоконнотацию имен исторических деятелей, несут различную семантику:

- описание моральных (*coup de Jarnac*), характерологических (*madame Véto, le quart d'heure de Rabelais, mot de Cambronne*) или физических (*avoir les jambes de Louis XV*) качеств, которые мотивированы личностью носителя имени либо полностью (например, *Madame Véto*), либо частично (например, *mot de Cambronne*), либо не мотивированы вовсе (например, пейоративная сема «предательство» в *coup de Jarnac* или эвфемистическая сема «кривой» в *avoir les jambes de Louis XV*);

- эвфемизация: любовных отношений в *avoir un Jules*, скрытой подлости в *coup du père François*, пренебрежения в *aller entretenir le duc d'Aumale*;

- ключевое содержание трудов обладателей имени (например, *l'abîme de Pascal*);

- морализаторский притчевый смысл (*Pour un point, Martin perdit son âne*).

3. Полномерная интерпретация культурной коннотации ФЕ с антропонимом требует не только высокой языковой компетенции и общекультурной осведомленности, но и дополнительных этимологических изысканий, объясняющих присутствие несуществующего Артура в *se faire appeler Arthur*, например, или роль осла в *Pour un point, Martin perdit son âne*.

Дальнейшие перспективы исследования мы видим, во-первых, в расширении языкового материала исследования и анализе остальных тематических групп ФЕ с антропонимом, что позволит вычленивать все лингвокультурные семы значений соответствующих имен собственных. Во-вторых, интерес представляет межкультурное изучение как ФЕ с именами исторических деятелей, так и корпуса ФЕ с антропонимами в целом, что позволило бы ярче подчеркнуть национально-культурную специфику их семантики.

Источники | References

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология: теория и методы. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. / гл. ред. А. В. Запорожец. М.: Педагогика, 1982. Т. 2. Проблемы общей психологии.
3. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
4. Дербенев М. Е., Ягодкина М. В. Семантические особенности имен собственных в составе фразеологических оборотов // *Ars logos* (искусство слова). 2024. № 4.
5. Ковшова М. Л., Дронов П. С. Вариативность русских фразеологизмов с компонентами-антропонимами // *Русистика*. 2022. Т. 20. № 3.
6. Красных В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации // *Вестник Центра международного образования Московского государственного университета*. 2012. № 3.
7. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир: монография. Белгород: ООО «Эпицентр», 2022.
8. Суперанская А. В. Современный словарь личных имен. Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005.
9. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Изд-е 2-е, дораб. М.: Изд-во МГУ, 2004.
11. Токарев Г. В. Трансфер функций культуры в систему лингвокультуры // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание*. 2023. Т. 22. № 5.
12. Ушинский К. С. Собрание сочинений: в 11 т. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1948. Т. 2. Педагогические статьи 1857-1861 гг.

Информация об авторах | Author information

Сухорукова Юлия Сергеевна¹, к. филол. н., доц.

¹ Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Yulia Sergeevna Sukhorukova¹, PhD

¹ Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

¹ silverain@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.01.2025; опубликовано online (published online): 21.02.2025.

Ключевые слова (keywords): культурная коннотация; фразеологизмы с компонентом-антропонимом; национально-культурный менталитет; культурная память; фразеологическая семантика; cultural connotation; phraseological units with an anthroponym component; national cultural mentality; cultural memory; phraseological semantics.